

Заметка о значении мохаммеданства в истории христианства и в истории человечества вообще

Под именем мохаммеданства известно величайшее в истории человечества вообще и, частнее, в истории христианской Церкви явление, имевшее и до сих пор имеющее значительное влияние на судьбу той и другой истории. По своему началу это явление было главным образом религиозного характера. Мохаммед, оставивший ему свое имя, был орудием того религиозного движения, которое к его времени охватило собою Аравию. Он воспользовался этим движением и выступил на поприще проповеднической деятельности с целью произвести собственно религиозную реформу, дать религиозно-нравственный толчок находившейся в брожении современной ему жизни арабов и таким образом объединить в новом религиозном центре все стороны разрозненной, проникнутой партикуляризмом, арабской жизни. Политический элемент не имел для Мохаммеда особого, самостоятельного значения. Мохаммед желал сначала только утвердить признание своего посланничества для арабского народа, так как самого себя он считал только национальным пророком, призванным Богом для восстановления древней истинной религии¹, представительницами которой он считал иудейство и христианство². В его Коране главное место занимает религия, которой подчинена и мало-развитая политика: обыкновенно у народов, стоящих на первой ступени развития, гражданское законодательство если не совершенно сливается с религией, то и не имеет одинакового с ней, самостоятельного значения. «Бог — один, а Мохаммед — последний и превосходнейший посланник единого Бога, сообщивший людям последнее и совершеннейшее откровение Божие — Коран, который и есть единственное и верное руководство людей в их жизни для приобретения вечного спасения, — вот главная мысль Мохаммедовой проповеди. Весьма естественно предполагать, что основатель ислама, думавший о себе только как о религиозном реформаторе, не простирает своих видов за горизонт Аравии

¹ Коран, гл. 7, ст. 157; гл. 36, ст. 1–5; гл. 2, ст. 125–130 и др.

² Там же, гл. 5, ст. 47 и 50; гл. 6, ст. 92; гл. 10, ст. 38 и др.

и, по крайней мере сначала, не имел в виду завоевательных стремлений, за что говорит его личный характер, отличавшийся слабостью и трусостью и потому совершенно не гармонизировавшийся с военными предприятиями. И здесь, в Аравии, Мохаммед сначала восставал собственно против одних язычников, но потом, когда успехи его религии возбудили в его последователях религиозный энтузиазм и тщеславие, он уже восстал и против иудеев с христианами, не желавшими признать его своим пророком. При преемниках же Мохаммеда завоевательный принцип его религии получил гораздо большее развитие, и мохаммеданство в последующей своей истории проявляло свою жизнь в форме могущественных завоевательных государств, наводивших страх не только на Азию и Африку, но и на Европу. Сказать точнее, завоевательный принцип мохаммеданства, — мысль, что весь мир должен быть мохаммеданским, обязана своим происхождением именно Омару, под влиянием которого был придан новой религии воинственный характер. Уже самое обращение Омара было решительным моментом в истории ислама. До его обращения исповедники новой религии скрывались при отправлении своих религиозных обрядов и не имели достаточно смелости открыто заявлять о своем мохаммеданстве. Омар же хвастался своим мохаммеданством и первый совершил молитвенный обряд публично. Отважный, упорный, он, по словам Шпренгера, был человек дела и служил самым лучшим пополнением дуумвирата, состоящего из Мохаммеда и Абу-Бекра, потому что где нужно было употребить энергию, угрозу, или физическую силу, ни Мохаммед, ни Абу-Бекр не были способны на это»³. Со времени Омарова именно халифатства и начались главным образом опустошительные завоевания на востоке и западе, сделавшие впоследствии имя мохаммедан ужасным и давшие исламу обширные владения.

Явившись на историческом поприще спустя шесть веков после христианства, имевшего быть религией всего мира⁴, мохаммеданство вскоре завладело большею и лучшею частью христианских стран. Еще при жизни самого Мохаммеда его религия значительно распространилась в Аравии и вытеснила оттуда последние остат-

³ Das Leben und die Lehre des Mohammad. Von A. Sprenger. Berlin. 1861. В. I. Pp. 371–372.— Etudes d'histoire religieuse par E. Renan. Paris. 1862. Mohamet et les origines de l'islamisme. P. 250.— Всемирная история, Шлоссера. СПб. 1862. Т. V. Ст. 43 и 52–53.

⁴ Мат. гл. 28, ст. 19.

ки христианства, некогда насажденного там апостолом Павлом⁵. Сделавшись грозным властителем своего отечества и надеясь на свои силы, Мохаммед посылал послов своих с предложением принять ислам к персидскому царю Хозрою, к императору Ираклию, к греческому наместнику в Египте, к Гассаниду Амру, подвластному византийской империи, к царю Абиссинии и к некоторым мелким соседним владетелям. Перед своею смертью он задумывал настоящий поход против византийцев, хотя успел покорить только некоторых мелких пограничных вассалов византийской империи. Первый преемник его власти, Абу-Бекр (682), по покорении Аравии, приступил к утверждению ислама за пределами своего отечества и распространил свое господство до Евфрата. Вторым преемником Мохаммеда, Омар (634–644), обладавший всеми качествами, при помощи которых он мог упрочить могущество мохаммеданства и распространить его владения, оказал новой религии самую важную услугу. Прежде всего им была завоевана Сирия, — и Антиохия, видевшая и слышавшая несколько раз апостолов, особенно апостола Павла⁶, почти первая из христианских стран признала своими победителями последователей Корана, тогда как в этом именно городе последователи Евангелия в первый раз стали называться христианами. Вслед за падением Антиохии, самим Омаром взят был на капитуляцию самый священный город христиан, Иерусалим, в 636 г. По условиям капитуляции христианам оставлена была жизнь, имущество и право открыто совершать свое богослужение, но за то они должны были платить поголовную подать, угощать три дня каждого мохаммеданского странника, снять с церкви кресты, отменить колокольный звон, носить отличную от мохаммедан, позорную одежду и беспрекословно допускать каждого мохаммеданина в свои церкви и проч. Тогда же, по приказанию Омара, была заложена мечеть на месте Соломонова храма, которая была окончена уже при его преемниках и до сих пор находится в особенном почете у мохаммедан⁷. В Омаровой капитуляции особенно замечательно условие беспрекословного входа мохаммедан в христианские храмы. По известиям позднейших путешественников, иерусалимские турки не допускают христиан во святые места без пошлины и не только возбраняют вход в свои мечети, но даже —

⁵ Галат. гл. 1, ст. 17.

⁶ Деян. гл. 11, ст. 26; гл. 13, ст. 15–49; гл. 14, ст. 26–28; гл. 15, ст. 30–35; гл. 18, ст. 22–23.

⁷ Шлоссер. Всемирная история. Т. V. Стр. 44–45.

будь это возможно — и самый взгляд на них. Под смертною казнью запрещено заносить ногу в преддверие Омаровой мечети, и только весьма немногим европейским путешественникам, в числе которых и нашему г. Норову, удалось в мохаммеданской одежде проникнуть в этот храм ислама⁸.

Чрез два года по завоевании Сирии был покорен Омаром Египет. Александрия, славная именем св. Афанасия, защитника учения о божестве И. Христа, весною 641 г. подпала под власть исповедников Корана, считавших Сына Божия, подобно арианам, за обыкновенного смертного. При завоевании Александрии, вместе со многими другими церквями была сожжена церковь св. евангелиста Марка⁹. Фиваидская пустыня, принявшая некогда (в Декиево гонение) в свои недра, вместе с другими египетскими отшельниками, св. Павла Фивейского, по смерти которого прославился там св. Антоний, теперь была попрана ногами мохаммедан, отрицавших монашество в самом принципе¹⁰. — После Сирии и Египта, покоренных власти и вере аравитян, в правление того же Омара, было завоевано и персидское царство: в 642 г. нанесен был последний удар его существованию — и Персия не только сделалась арабскою провинцией, но и приняла ислам. Вообще ко времени Омаровой смерти (в 644 г.) мохаммеданство владело всеми странами от Триполи в Африке до Индии и от Индийского океана до Джейхуна (Аму-Дарьи) и Кавказа, почему Омар и считается настоящим основателем всемирного владычества мохаммедан¹¹.

Третий преемник Мохаммеда, Осман, завоевал греческие области в северной Африке (в 647 г.) и остров Кипр (в 648 г.)¹². Халиф Моавия в первый раз предпринимал (669–676) несколько походов против Константинополя, который в продолжение средних веков был единственным оплотом христианства против мохаммеданства. Тоже после Моавии повторил и Абд-ал-Малик. Полководец последнего, Муса, опустошал огнем и мечем все страны, где встречал сопротивление, и по некоторым свидетельствам обратил в рабство до 300,000 человек. Африканские берберские племена тотчас по покорении их страны обратились в мохаммеданство и приняли самый

⁸ Живописное путешествие по Азии, состав. на франц. яз. Под руковод. Эйрие. Перев. Е. Корша. Москва, 1840. Т. VI. Стр. 226.

⁹ Renaudot, *Histor. Patriarch. Alexandr. Jacobit.* Paris. 1713. P. 163.

¹⁰ Коран, гл. 57, ст. 27.

¹¹ Шлоссер. *Всемирная истор.* Т. V. Стр. 52.

¹² *Шейх Аль-Мякинъ.* *Hist. Saracen.* P. 30.

язык завоевателей-арабов. При Валиде I (705) была покорена вся северная Африка до Атлантического океана. Потомки древних карфагенян, а также греков и римлян должны были отступить от христианства, приняли ислам и совершенно слились с аравитянами, образовав собою особое население мавров. В правление того же халифа, в 711 г. аравитяне открыли себе свободный путь в Испанию и таким образом успели наконец распространить мохаммеданство и в Европе. Цветущие испанские провинции Андалузия, Гранада и Мурсия были в короткое время заняты арабами и тысячи жителей этих областей были обращены в ислам¹³. Весьма замечательны слова знаменитого голландского ориенталиста Дози, в которых он высказывается о характере мохаммеданского господства в Испании. «С Испанией, говорит он, случилось тоже, что и со всеми другими странами, которые были покорены маврами: их господство, из мягкого и человеческого, каким оно бывало в начале, перерождалось в невыносимый деспотизм. С IX в., завоеватели полуострова буквально следовали совету халифа Омара, который выразился довольно (?) сурово: «Мы должны поедать христиан, и наши потомки должны поедать их потомков, до тех пор пока будет существовать исламизм»¹⁴. Преемник Валида, Сулейман (714), снова предпринимал поход против византийцев и вообще, по отношению к христианам, был чрезвычайно жестоким правителем. Омар II, раздраженный неудачным походом своего предшественника против Византии, начал преследовать христиан, как врагов Божиих, и приказал разрушить все их церкви новой постройки. Кроме того он издал повеление, по которому христиане могли быть терпимы в его государстве только под условием обращения их в ислам, а противящихся этому повелению предавал разным мукам. При Езиде II был издан указ об истреблении христианских священных изображений.

По словам св. Иоанна Дамаскина, в это время иконы подвергались поруганию, были бросаемы в огонь, а изображения, бывшие на церковных стенах, или смыты водою, или замазаны известью. Кроме того он повелел везде сокрушать кресты и разрушать христианские церкви. Абд-ар-Рахман (732) с огромными силами предпринимал поход чрез Пиринеи во Францию и только мужество Карла Мартела могло остановить дальнейшее распространение ислама в Европе. При Альмансуре многие церкви христианские были обращены в стойла, христианам не позволялось строить новых церквей

¹³ Шлоссер. Всемир. истор. Т. V. Стр. 89.

¹⁴ Стасюлевич М. Истор. Сред. Век. СПб. 1863. Т. I. Стр. 182.

и выставлять наружу кресты. При завоевании святыни испанских христиан, местечка Сант-Яго-де-Компостелла (994), Аль-мансур разрушил его до основания и сжег самую церковь¹⁵. Вообще состояние христианства, как в арабском, так и в испанском халифате, представляет собою ужасную картину самых грубых унижений христиан и ряд открытых свирепых гонений, воздвигаемых на них мохаммеданским правительством. При завоевании всех вообще христианских стран, христианам возбранялось всякое распространение своей религии и всякое сопротивление при обращении в мохаммеданство. Особенно жестоко обращались с православными христианами за их связь с Константинополем¹⁶.

Так заявило себя мохаммеданство в первые века своего существования. В позднейшее время в лице турок оно достигло давно желанной своей цели, к какой постоянно стремилось, начиная с самого Мохаммеда, — завоевания Константинополя. В 1451 году на турецкий престол вступил Магомет II, обагренный, по выражению Бессе, кровию братьев своих, бывших еще в колыбели. 6 апреля 1453 года он явился с огромными силами¹⁷ под стенами византийской столицы и 29 мая Константинополь, после геройской смерти своего последнего императора, был обращен в пепел и груды камней. Пленники, обремененные цепями и подверженные жесточайшему и позорнейшему обращению, перевезены были на корабли. Яростные враги не щадили ни младенцев, ни жен, ни старцев. Церкви были поруганы и лишены их алтарей, священных сосудов и прочих драгоценных утварей. По взятии Константинополя, восемь главных церквей митрополии были обращены в мечети, в числе коих и храм св. Софии, в котором в первый раз сам завоеватель совершил благодарственное моление за победу над неверными. Разрушая церкви и монастыри, он в то же время строил мечети и школы; уничтожая по-варварски греческое образование, он покровительствовал мохаммеданской науке; расширил свои владения на восток и запад, на север и юг, завоевав две империи, 14 королевств и 200 областей, и таким образом был вполне мохаммеданским властителем, достойно получившим у турецких историков название завоевателя¹⁸.

¹⁵ Шлоссер. *Всемирная история*. Т. V. Стр. 124.

¹⁶ Гассе. *Церковная история*. Т. II. Стр. 25–26. Казань, 1869.

¹⁷ Армия его простиралась до 250,000 человек, а флот состоял из 420 кораблей всех величин.

¹⁸ Альфред де-Бессе. *Турецкая империя*. Москва, 1860. Стр. 40–55.

Отношение мохаммеданства к России всем более или менее известны, и потому мы о них не говорим, а значение его в истории отечественной Церкви заслуживает особенного внимания. Начиная со времен первого казанского святителя Гурия и до наших дней, самую неблагоприятную почву, на которой сеяно было благотворное семя христианства, было и есть мохаммеданство. Из всех казанских инородцев исповедники мохаммеданства оказывались и оказываются самыми упорными врагами христианства. Не внимая проповеди о Христе сами, они в то же время сеяли и сеют свои плевелы в среде язычествующих своих соседей: вотяков, чуваш, черемис, которые целыми деревнями обращались в ислам и теряли свое национальное имя, заменяя его общим названием мусульманина. И в среде просвещенных уже светом Христова учения здешних инородцев мохаммедане съиздавна производят волнения, имевшие и имеющие своим печальным последствием отпадение последних от православной Церкви и уклонение в мохаммеданство. Словом: исповедники мохаммеданства между инородцами казанского края составляют самое влиятельное племя, как по своей численности, так и по своей пропаганде. Не имея строго организованных миссий и не имея права открыто вести свою пропаганду, они достигают своей цели, между прочим, путем грамотности. Где есть мулла, а тем более мечеть, там необходимо есть и школа, а школа вместе с мечетью представляют у них естественный оплот для их веры, так как грамотность и богослужение способствуют прочному внедрению истин веры в сердца ее исповедников. Не можем не заметить того особенного обстоятельства, что такой порядок был издавна в ходу у мохаммедан. У арабского писателя X века, Ибн-Даста, мы находим любопытные указания на это. Говоря о хозарах, он сообщает, что они исповедуют мохаммеданство и, живя по зимам в двух своих городах, имеют мечети, имамов, муэдзинов и начальные училища. Точно так же говоря о болгарах, он замечает, что большая часть из них исповедуют ислам и имеют в своих селениях мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами¹⁹. Так мохаммеданство заботилось об утверждении своей веры между новыми своими прозелитами еще в X веке; так же точно оно действует и теперь в России и Китае. Мечеть и нераздельная с нею школа, которая может быть и при отсутствии мечети, являются несомненными свидетелями

¹⁹ Известия о хозарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах — Абу-Али Ахмеда Бен-Омар Ибн-Даста. Изд. и перев. Д. А. Хвольсон. СПб., 1869. Стр. 17 и 23.

господства в известной местности ислама. О современном именно состоянии мохаммеданства г. Васильев говорит, что старинная борьба его с христианством далеко еще не кончена и вовсе не клонится на сторону последнего. В новом свете, на островах Восточного океана, христианство еще успева²⁰, но в старом, если не было бы России, какое бы мизерное пространство, говорит он, выпало на долю христианства и какая бы необозримая площадь представлялась занятою мохаммеданством... Мохаммеданство, по его словам, распространяется медленно, но верно, распространяется широко до настоящего времени. Оно охватило собою почти всю Африку, заняло половину Азии и теперь постоянно подвигается на восток. В Индии оно уже давно составляет главный господствующий элемент; под нашим владычеством оно укрепилось в киргизских степях. Наконец, не успевая особенно в России, мохаммеданство спешит вознаградить себя в Китае и обращает свои взоры на кочевья монголов. В юго-восточной Монголии и Маньчжурии оно уже раскинуло свои мечети²¹.

После всего сказанного нельзя не удивляться живучести мохаммеданства, которое, отнявши у христианства целые страны, нанесло ему такой громадный ущерб, как никакая другая религия, и в то же время само не потерпело никакой значительной потери от влияния христианства. В двенадцать с половиною веков, прошедших со времени его появления, сменилось несколько человеческих поколений, изменялись нравы и обычаи, происходили великие государственные перевороты, переживались различные антирелигиозные направления, в самом мохаммеданстве бывали продолжительные волнения политического и религиозного характера, наконец учреждались разнообразные, хорошо организованные и существовавшие иногда подолгу миссии против мохаммеданства, написаны многочисленные сочинения, в которых доказывается полнейшая несостоятельность мохаммеданства, — а оно до сих пор упорно держится своей догмы и, не имея никаких организованных миссионерских учреждений, с каждым годом заметно распространяет свои владения и имеет громадное число своих исповедников. Больше ста миллионов, по Шпренгеру²², и именно сто двадцать миллионов,

²⁰ По Дёллингеру, и в Австралии мохаммеданство успевает распространяться гораздо более, чем христианство. См.: Православ. обозр. 1872. Август. Беседы Дёллингера о соединении христианских церквей. Перев. с немец. пр. К. К-ва. Стр. 147.

²¹ Русский вестник. 1872. Май. смотр.: Две китайские записки, стр. 166–167.

²² Das Leben und die Lehre des Mohammad. В. I. Vorrede. P. I.

по Дёллингеру²³, подобных нам существ, при трехстах пятидесяти миллионах христиан всего земного шара, верят, что Мохаммед — последний и высший посланник Божий, что Коран — последнее и совершеннейшее откровение Божие людям и что вообще ислам есть единая истинная религия, в недрах которой только и можно обрести людям вечное спасение. Частнее, в России мохаммедан считается шесть миллионов сто сорок три тысячи, что составляет девятую часть сравнительно с православным ее населением²⁴, которое в лице крещеных татар в нынешнем столетии несколько раз начинало обратные движения в мохаммеданство. Необходимо вообще заметить, что мохаммеданство особенно глубоко проникает в сердца своих многочисленных последователей, охватывает всю их жизнь и налагает однообразную печать на мысли и дела каждого. По словам того же г. Васильева, мохаммеданство имеет все задатки для того, чтобы наэлектризовать своих прозелитов. Турки, персы, индийцы были в свое время, говорит он, тоже индифферентны, если еще не более, чем в наше время китайцы, для которых переменить свою веру на какую-нибудь другую ровно ничего не значит, — а между тем, исповедуя мохаммеданство, все они готовы вспыхнуть при малейшем посягательстве на их религию, как это и было действительно²⁵. Частнее, по словам Дёллингера, ни одна религия не питает по отношению к христианству такой глубокой ненависти, как исламизм, и эта бесконечная ненависть тотчас же передается всем народам, которые принимают мохаммеданство. Коран, составляющей для совести мохаммедан все, внушает только ненависть и презрение к христианам²⁶.

Заявивши себя таким образом в отношении к христианству, нанося ему чувствительные раны до настоящего времени, мохаммеданство не может не вредить и человечеству вообще. Действительная заслуга человечеству со стороны религии возможна только там, где находится нравственность, отвечающая законам правды и человеколюбия. А подобная нравственность возможна и есть только в христианстве. «Истинно цивилизованные народы, говорит Дёллингер, суть единственно те, которые прошли чрез школу христианской Церкви и продолжают учиться в этой школе»²⁷. Но, может быть,

²³ Правосл. обозр. стр. 147.

²⁴ *Gonpe*, Всеобщий календарь. СПб., 1872. Стр. 178.

²⁵ Русский вестник. 1872. Май. Стр. 169.

²⁶ Православное обозрение. Стр. 149 и 155.

²⁷ Православное обозрение. Стр. 157.

и мохаммеданство своим учением может удовлетворить насущным потребностям человеческой природы? Да, мохаммеданство потворствует чувственной стороне человека, хотя и не может доставить совершенного успокоения религиозному чувству людей развитых, ищущих в религии высшего духовного блага — возвышенных догматических и нравственных истин, которые одни и могут пленять умы и сердца людей. Даже Ренан в своем очерке о происхождении ислама замечает, что ислам — не святая религия, хотя с свойственно ему односторонностью и приписывает этой религии естественность, серьезность, либеральность и называет ее трезвою и разумною религией, имеющей достаточно привлекательных сторон для набожных личностей²⁸. Но насколько прав Ренан, утверждая, что ислам — не святая религия, настолько же неправ, приписывая ему естественность, либеральность, серьезность и проч. Догматы ислама и нравственные предписания не только не многосложны, но в них нет ничего оригинального. Все, что в мохаммеданстве есть сколько-нибудь истинного, все это заимствовано им у христианства и иудейства, так как ислам, по остроумному замечанию Дёллингера, есть как-бы ублюдок, рожденный от отца христианина и матери иудейки²⁹, Абу-Ханифа сущность ислама поставляет с одной стороны (догматической) в вере в единого Бога, в ангелов, в священные книги, в посланников, в последний день, в воскресение после смерти и в предопределение Божие о добре и зле, — а с другой (нравственной) — в исполнении молитвы, поста, в раздавании милостыни, в путешествии в Мекку на праздник и в священной войне с неверными. Из перечисленных нами догматов и нравственных предписаний мохаммеданства самому основателю ислама обязана своим происхождением только война с немохаммеданами, а все остальное давно было известно человечеству из христианства, иудейства, религии арабов и проч. Мохаммед в своем учении только искажил истины иудейства и христианства, а отнюдь не улучшил ни той, ни другой религии, что естественно было и невозможно. Вместе с этим, внушивши своим последователям недоверие к учению Евангелия и закону Моисея, он почти совершенно затруднил для них переход из мохаммеданства в христианство. Если бы мы вздумали узнать подробности мохаммедского учения о всех догматах и нравственных правилах ислама, то увидели бы, как немного серьезности, вопреки утверждение Ренана, в учении Мохаммеда.

²⁸ Etudes d'histoire, religieuse. P. 285.

²⁹ Православное обозрение. Стр. 147.

Уже в главном вероучительном кодексе мохаммеданства, Коране, в этом, по мнению мохаммедан, предвечном слове самого Аллаха, заключается очень много наивно-детских воззрений, хотя некоторым выражениям Корана и нельзя отказать, с точки зрения арабов, в силе и живописности выражений. Один ученый мохаммеданин, Узбек, в письме своем к дервишу Хусейну, так говорит между прочим: «однако если уж сказать тебе то, что я думаю, — я не очень-то люблю фигуральный язык. В нашем Коране есть много пустяков, которые всегда мне кажутся пустяками, хотя сила и живописность выражения и придают им нечто возвышенное. Казалось бы, что богодухновенные книги суть только божественные мысли, выраженные на человеческом языке, а в нашем Коране, напротив, часто попадается божественный язык и человеческие мысли, как будто бы по удивительному капризу Бог продиктовал в нем слова, а Мохаммед вложил в них свои мысли»³⁰. В самом деле Коран не дает нам хоть сколько-нибудь удовлетворительного решения на вопросы, с точки зрения самого же Корана, первой важности. Ни богословские его воззрения, ни философские не заслуживали бы никакого внимания, если бы эта книга не имела такой известности. Так, например, Мохаммед доказывает в Коране могущество и премудрость Творца тем, что небесный свод, покрывающий землю, устроен прочно: тщетно мы стали бы искать в этом огромном своде хоть малейшую трещину³¹. Всеведению Божию приписывает с детскою наивностью знание таких предметов, о каких не принято говорить³². Существование гор на земной поверхности объясняет необходимостью их для большей устойчивости нашей планеты³³. Падающие звезды считает раскаленными камнями, которыми ангелы бросают в джиннов, когда эти последние подкрадываются к небесным чертогам³⁴. Чтобы не указывать на другие подобные же предметы, достаточно напомнить о картине загробной жизни,

³⁰ Письмо это относится к 1716 г. Интересны в этом же письме и непосредственно следующие за тем строки, доказывающие влияние мохаммеданства на своих последователей: «ты скажешь, может быть, что я слишком либерально говорю о том, что составляет самое святое для нас. Ты подумаешь, что это плод свободы, с какой живут в этой стране (Париж). Нет! Благодарю небо, ум не испортит моего сердца и, пока я буду жив, Мохаммед будет моим пророком».

³¹ Коран, гл. 50, ст. 6; гл. 67, ст. 3–4.

³² Там же, гл. 12, ст. 9; гл. 35, ст. 12; гл. 41, ст. 47.

³³ Там же, гл. 21, ст. 32.

³⁴ Там же, гл. 37, ст. 6–10; гл. 67, ст. 5; гл. 72, ст. 8.

известной в общих чертах всем, чтоб считать Коран не только не божественным произведением, но произведением чисто человеческим и притом невысокого достоинства. Историческая сторона Корана поражает читателя своим сказочным характером. Даже и в чисто литературном отношении Коран не может быть сравниваем с Пятокнижием, например, Моисея. Рассказ Мохаммеда об Иосифе стоит гораздо ниже сравнительно с тем же рассказом Моисея. А XII глава Корана, заключающая в себе этот рассказ, представляет собою единственное в повествовательном отношении место во всем Коране. — Что касается другого источника мохаммеданского вероучения — преданий Мохаммеда, то их достоинство лучше всего характеризует замечание знаменитого собирателя их, Аль-Бухари, который из собранных им 27,000 преданий только 7,000 нашел достоверными. Понятно, что беспристрастная критика сократила бы и это, так непропорционально-уменьшенное, и притом мохаммеданином же, число мохаммеданских преданий.

Не найдем мы в исламе и либеральных начал. Священная война, о которой так много говорится в Коране, слишком хорошо известна истории своею жестокостью. Вся история мохаммеданских завоеваний представляет собой, можно сказать, исключительно выполнение этого жестокого предписания Корана. Возведенная в священный долг, обязанность мохаммедан силою оружия распространять свою религию не только не либеральное постановление, клонящееся к пользе человечества, а есть одна из самых вредных сторон ислама, который чрез это учение стал исключительной религией, возбуждающей в своих последователях тот религиозный фанатизм, который до сих пор так резко проявляется иногда у мохаммедан. Этот фанатизм с одной стороны возбуждает в мохаммеданах нетерпимость к исповедникам всех других религий, а с другой в самих мохаммеданах поддерживает преданность к своей религии. Средне-азиатца, избивший до полусмерти без всякого повода русского, открыто объявил, что он убийством кяфира желал приобрести себе награду за гробом, и с радостью готов был идти на место казни³⁵. Следовательно, чем мохаммеданство вернее будет следовать этому именно началу, тем более оно будет отдалять мохаммедан от всего остального немохаммеданского мира. — Может быть, Ренан видит либеральность ислама в его постановлениях о браке? Но нужно быть слишком недалководным, чтобы считать либеральною религию, не при-

³⁵ Русский вестник. 1871. Январь. Стр. 305. «Пять недель в Кокане».

знающую женщин столь же достойными существами пред Богом, как и мужчины³⁶, — религию, видящую назначение женщины в том, чтобы быть орудием животной страсти, принадлежности гарема, вполне предоставленной деспотизму со стороны мужчины, который может распоряжаться ею по произволу, может продать и купить ее, как всякий товар, — религию, заповедующую подвергать женщин побоям³⁷ по малейшему капризу мужа и проч. Вместе с этим не должно забывать и того, что под влиянием мохаммеданской религии во всех мохаммеданских государствах всегда господствовал самый грубый деспотизм, так что мохаммеданских властителей по преимуществу принято называть деспотами, у которых гнев и милость сменяют друг друга безотчетно. Скажем по этому случаю словами одной рукописи, скоро имеющей появиться в печати: «турецкий султан, персидский падишах, бухарский эмир захочет — и ничтожный из рабов его тотчас является высоким сановником, захочет — и тот, которого вчера все презирали, сегодня видит почет себе от всех; захочет — и одевает в почетную одежду (хыльгат) слугу своего, угодившего его прихоти; или, напротив, велит, кому захочет отрубить голову — и тому уже больше не видеть света; велит отколотить верховного визиря по пятам — и ему долго не вставать на ноги; велит отнять имущество у богача — и его в минуту делают нищим». Такой точно произвол мохаммеданство приписывает и Богу, «который, по его учению, может, если захочет, низвергнуть праведника в ад в то время, когда он уже поставил свою ногу на порог райской двери, и напротив может осужденного на мучения в аде нечестивца, как скоро захочет, возвратить от ворот ада и посадить в раю»³⁸. Неужели при всем этом мохаммеданство — либеральная религия?!

Кто также сочтет учение мохаммеданства о предопределении естественным учением о Боге? Это скорее жестокое, бесчеловечное учение, убивающее в последователях ислама всякую свободу и развивающее в них самое неестественное чувство отчаянной смелости и неустранимости пред опасностями этой жизни. Почему — говорит недавно путешествовавший по востоку Диксон — мохаммеданин будет особенно страшиться опасности? Разве все в мире опаснее моста Сират, чрез который некогда придется пере-

³⁶ Коран, гл. 2, ст. 228; гл. 4, ст. 38.

³⁷ Там же, гл. 4, ст. 19 и 38.

³⁸ Рукопись г. С-ва: «Сличение мохаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением».

ходить? Да что будет особенного, если ему и не придется избежать опасности? Людей благочестивых ожидает блаженство: сады и виноградники, вечно юные девы с высокою грудью и полные сладостного напитка чаши. Что же трепетать ему пред опасностью? Разве удовольствия, красоты здешней жизни восхитительнее райских садов? Земной гарем! Но разве он может соперничать с небесными гуриями?! Для мохаммеданина смерть значит жизнь и, хвала Аллаху, он не знает страха³⁹. А это учение поддерживает в последователях Мохаммеда дух нетерпимости, который внушает им священная война с неверными. Что сказать также о сладострастии, проповедуемом мохаммеданством и какое так обыкновенно в последователях Мохаммеда? Мохаммед узаконил многоженство, ограничив его для своих последователей четырьмя женами, за исключением наложниц, и тем дал основание к существованию гаремов, которые уже необходимо уничтожают семейную жизнь — эту основу государственной жизни. Под влиянием многоженства и слишком чувственного изображения будущей жизни у мохаммедан выработался особый взгляд на чувственность, который, можно сказать, проникает все мысли и действия мохаммеданина и поддерживает в них естественную грубость чувств, — с другой стороны, особые преимущества, данные Богом Мохаммеду относительно жен его⁴⁰, дали его последователям повод возвести животную силу Мохаммеда в чудо и рассказывать поэтому о своем пророке безобразные истории⁴¹. Вообще нужно заметить, что в вопросе именно о чувственных удовольствиях выразился особенно рельефно личный, ревнивый характер самого Мохаммеда, — и Коран изобилует многими мельчайшими даже подробностями относительно женщин вообще и особенно жен Мохаммеда⁴². В одном месте Корана Мохаммед уверяет даже, что Бог сам печется о разлученных супругах⁴³. Не очевидно ли после всего этого, что Мохаммед дал человечеству далеко не серьезную и естественную и еще тем менее либеральную религию и что таким образом основатель ислама далеко не осчастливил человечество своим учением. Выдавая Коран за идеал духовного развития

³⁹ Вильям Диксон. Святая земля. Перев. Кутейникова. СПб., 1869. Ч. I. Стр. 7.

⁴⁰ Коран, гл. 33, ст. 49–51; сравн., гл. 4, ст. 26–28.

⁴¹ Д. Кантемир. См.: «Книга систима или состояние мухаммеданския религии». СПб., 1722. Стр. 27–29.

⁴² Коран, гл. 4, ст. 8–30; гл. 33, ст. 28–59.

⁴³ Там же, гл. 4, ст. 129.

и образованности, он, по словам Шлоссера, затруднил свободное развитие человеческого духа, ограничил область философского образования и совершенно стеснил искусство, — следовательно, уничтожил главное средство облагораживания духа и самую возможность возвыситься до нравственной свободы и самостоятельности. Его учение вместо реформы должно было таким образом снова восстановить у восточных народов древний восточный характер их быта со всеми его недостатками⁴⁴.

Эта-то новая религия получила свою, современную нам, форму не вдруг и не от самого Мохаммеда. Главным виновником своего вероучения мохаммедане считают Бога, указавшего людям путь к блаженству. В руководство на этом пути Бог ниспослал людям правила, заключающиеся главным образом в Коране, как слове Божиим, а частью в кратких изречениях Мохаммеда, сохраненных и переданных потомству компаньонами его (асхабами) в кодексах преданий (суннат). Коран и суннат вместе образуют мохаммеданский закон в обширном смысле этого слова, известный под именем шаригата, т. е. пути к вечному блаженству. Как верховный судья и повелитель, Мохаммед беспрекословно решал дела своих последователей религиозные и гражданские. Его решения служили в то же время руководством его ученикам, когда они, в отсутствие Мохаммеда, должны были решать подобные же вопросы. По смерти Мохаммеда его первые наместники (халифы), Абу-Бекр, Омар, Осман и Али, бывшие очевидцами, компаньонами Мохаммеда, руководились его примером и, уполномоченные преданием от него, могли высказывать свое решительное суждение даже и о таких вопросах, которые еще не встречались в предыдущей практике, и таким образом пополняли положения закона. Преемники власти первых халифов должны были руководствоваться уже правилами своих предшественников, каковой порядок законопроизводства продолжался до водворения халифатства в династии Умейядов, в 661 г. Между тем Коран и предание, как главные источники мохаммеданского вероучения и законопроизводства, постепенно стали служить предметом споров. Халифы желали присвоить себе высшую духовную и светскую власть своих предшественников, непосредственных преемников Мохаммеда, и находили союзников в числе оставшихся компаньонов. У них являлись противники, доказывавшие, что такая власть после первых четырех халифов уже не может принадлежать последующим халифам, как свет-

⁴⁴ Шлоссер. Т. V. Стр. 35–38.

ским властителям, а только оставшимся в живых компаньонам Мохаммеда, как его очевидцам, и потому усиливались удержаться за собою высшую законодательную власть. Тогда начало усиливаться изустное изучение Корана и преданий, и таким образом было положено начало законоведению, как самостоятельному предмету. Менее чем чрез 40 л. после Али в мохаммеданском мире появились замечательные законоведы, которым халифы предоставляли решение дел, подлежащих закону, и сами руководились их решениями. Несмотря на это, само законоведение не имело систематического характера и не было заключено в письмена, пока наконец во втором столетии гиджры не стали известны шесть знаменитых ученых законоведцев, составивших полные системы мохаммеданского законоведения и образовавших шесть школ, из которых в настоящее время известны только четыре: ханифиты, шафииты, ханбелиты и маликиты. Первое место между ними занимают ханифиты⁴⁵ и самый основатель этой школы, Абу-Ханифа (род. в 80 г., ум. в 150 г. гиджры), известен у мохаммедан под именем «величайшего или старшего имама» (имам-агзам). До появления этих законоведов изучение мохаммеданского законоведения было устное и потому требовало огромной памяти и хорошего соображения; нужно было знать наизусть весь Коран с толкованиями, все предания с объяснениями и все правила, вытекающие из того и другого, чтоб прослыть и ученым богословом и законоведцем. Только во 2-м столетии появились систематические сочинения, имевшие своим предметом толкование Корана, ученье преданий и законоведение. При Абу-Ханифе и мохаммеданское вероучение получило вид системы, которая существует и доселе⁴⁶. Что сказали Абу-Ханифа и его товарищи, то составляет для современных мохаммедан последнее слово их богословской науки. В этом последнем своем виде мохаммеданское вероучение для своих успехов и в глазах христиан и иудеев стремится подделаться под дух христианства, усвоить себе его преимущества, связать себя с его историей и таким образом выдать себя за ту единую истинную религию, которой сам Бог в раю еще научил наших праотцев. Доказывая эту вековечную давность своего существования, мохаммеданство представило в своих священно-исторических рассказах всю библейскую историю

⁴⁵ Казанские татары — мохаммедане ханифитского толка.

⁴⁶ См. подробно в русском предисловии к Мюхтасаруль-вигкяят, изд. Казем-Беком. Казань, 1845. Стр. 1-XXXII.

в чисто мохаммеданском вкусе. Стремление это было заметно еще у самого Мохаммеда, о котором известно, что он любил придавать себе черты, заимствованные из евангельских событий. Так, при вступлении его в Медину (во время бегства из Мекки) последователи его держали над его головой пальмовые ветви. Имам Газзали свидетельствует, что однажды Мохаммед малым количеством пищи насытил более 80-ти человек, а в другой раз продовольствовал целое войско несколькими финиками, причем было соблюдено даже немало остатков⁴⁷. Но стремление мохаммеданских богословов подделаться под дух христианства слишком явно изобличает себя уже и тем, что они всех библейских пророков и пророков, включая сюда и Господа И. Христа, представляют исполняющими все предписания мохаммеданского шаригата, получившего свое развитие и образование уже долго спустя после Мохаммеда. После такого стремления мохаммеданства само собою может быть понятным, насколько гарантирована историческая правдивость мохаммеданских рассказов о христианских лицах и событиях от вымыслов самых невероятных. А между тем со времени Мохаммеда и до сих пор мохаммедане стараются отклонить от себя такое нареkanie. Чтобы окончательно подорвать значение христианства в глазах особенно неокрепших еще в новой религии исповедников Евангелия, мохаммеданство казанское старается указать им, что не в мохаммеданстве, а в христианстве находится сказочный элемент. Учителей крещено-татарских школ мохаммедане не раз укоряли в том, что они будто бы учат только сказкам⁴⁸, подобно тому как сам еще Мохаммед, желая доказать правдивость своего учения пред своими соотечественниками, говорил, что иудеи и христиане знают одни только вымышленные рассказы, сказки⁴⁹. И нужно заметить, что подобные возражения со стороны мохаммеданства против христианства навсегда остаются без влияния на казанских неразвитых инородцев. Несложное, льстящее чувственности мохаммеданское вероучение, при фанатической пропаганде его исповедников, до сих пор продолжает приобретать себе прозелитов в вотяхках, чувашах и черемисах, которые с переходом в мохаммеданство теряют мало помалу все свое национальное и становятся такими же

⁴⁷ Роскок, Specimen historicae Arabicae. P. 188.

⁴⁸ Смотр., напр., Странник. 1872. Июль: «Воспоминания старо-крещеного татарина из его жизни».

⁴⁹ Коран, гл. 2, ст. 73.

фанатиками, как и их совратители, которые чем фанатичнее веруют в догматы своей религии, тем с большею безусловностью подчиняют все явления своей жизни, всякое проявление личной мысли и чувства постановлениям ислама. А ислам, как старались мы показать, не святая религия и не дает истинного счастья даже и на земле своим исповедникам. По словам Дёллингера, «история отметила эту религию печатью осуждения: страны некогда цветущие и обитатели этих стран, где царствует исламизм, теперь пали до последней крайности и внимательное изучение показывает, что именно исламизм был причиною медленной гибели и падения целых народов и довел эти страны до такого безотрадного положения». «Ныне, — говорит он, — нельзя сказать ни об одной стране, находящейся под владычеством мусульман, что она отличается цветущим положением. В начальном отечестве рода человеческого, в древней Халдее, в странах между Тигром и Евфратом теперь все пустыня, все безлюдно; земледелия мало, городов мало, да и те бедны и в жалком положении; сел нет; люди блуждают, не зная о своих предках и с каждым днем все ближе и ближе к состоянию дикарей. Все эти великолепные и многолюдные города, о которых нам говорит история, их многочисленное народонаселение, образованное и богатое, которое еще оставалось до средних веков, теперь исчезло совершенно. И когда спрашивают причину этого, по неволе отвечаешь: причина этого в ложной религии.

Какой вид представляет теперь царство персидское, некогда столь громадное и столь цветущее, вдвое больше Германии! Там теперь всего пять миллионов жителей, мало городов, да и в тех целые околотки лежат в развалинах; города доведены до нищеты дурным деспотическим управлением и в настоящую минуту ужасный голод истребляет там тысячи человеческих жизней. И эта религия, которая в турецкой империи, в Персии, в северной Африке, в Египте, везде производит тоже самое действие и от которой можно ожидать постепенного истребления уже доведенных ею до крайнего падения народов, ее исповедующих, — эта религия снова является во всей силе первых своих дней и по-видимому одарена распространительною силою и удивительною гибкостью; она имеет громадный успех в архипелаге Индии, внутри Африки; она распространяется от Нигера чрез всю Африку до крайних пределов юга; она приобретает целые языческие царства и имеет успехи даже между христианами Абиссинии»⁵⁰.

⁵⁰ Православное обозрение. Стр. 147–154 и 155.

Таково значение мохаммеданства, как ложной религии в истории целых народов и государств. Всех причиненных ею потерь не может, без сомнения, искупить и так называемая мохаммеданская образованность, процветавшая в средние века у арабов. Эта образованность тем менее может оправдывать мохаммеданство пред судом истории, что арабская философия не представляла собою ничего творческого и самостоятельного. С другой стороны, влияние мохаммеданства на знаменитых арабских философов было, вероятно, слишком ничтожно, так как известно об Авицене и Аверроесе, что они не только не были искренними мохаммеданами, но и открыто смеялись над Кораном. Окончательный же вывод из всего сказанного может быть такой: христианские миссии против мохаммеданства, хотя они и не были до сих пор особенно успешны, не должны ослабевать и в наше время, а напротив должны получить более широкое развитие. Что будет, в самом деле, если мохаммеданство получит наконец и политическую силу, равную силе христианских государств? Не в праве ли ожидать мы, что тогда могут повториться ужасные времена арабского и испанского халифата?.. Частнее, ввиду сказанного, миссионерской деятельности и русской Церкви предстоит теперь важная задача просвещения христианством целого новопокоренного мохаммеданского края в средней Азии, где, по словам г. Васильева, особенно и возможен успех христианства. «Кроме России, говорит он, христианство, можно сказать, решительно не подвигается вперед в старом свете; только с расширением наших владений в Азии оно может приобретать новую почву. Католицизм своими интригами может скорее привлечь к подножию папского престола христиан других учений, чем язычников, или мусульман, католические миссионеры в старом свете между нехристианами возбуждают к себе ненависть... Протестантские миссионеры, в свою очередь, мало способны произвести впечатление на восточных туземцев: в глазах восточного жителя религия не может существовать без обрядов, без внешнего величия»⁵¹. Наконец, еще частнее, миссионерская деятельность братства св. Гурия с большею и большею настойчивостию должна стремиться, с одной стороны, к укреплению недостаточно еще окрепших в христианстве наших собратьев по вере, а с другой — привлекать к учению Христа тех наших соотечественников, которые еще не знают христианства, словом — к сохранению всех инородцев казанского края от пагубного влияния мохаммеданства.

⁵¹ Русский вестник. 1872. Май. Стр. 106–167.

Примечания

Остроумов Николай Петрович (1846—1930) — востоковед, историк и этнограф, один из первых исследователей Туркестана. Родился в семье священника. Выпускник Тамбовской семинарии (1860–1866), Казанской Духовной академии (1866–1870, окончил со степенью магистра). Ученик Н. И. Ильминского. В 1877–1917 гг. и с 1921 г. жил в Ташкенте, занимал должность инспектора училищ, был директором Учительской семинарии, директором гимназии. Редактор «Туркестанской туземной газеты» (1883–1917). Один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1893). Член-корреспондент Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (с мая 1904 г.). По поручению Британского библейского общества перевел на узбекский язык Евангелие в 1885–1886 гг. (перевод издан в Лейпциге в 1891 г.).

Автор многочисленных научных работ по исламоведению и культуре народов Центральной Азии: «Татарско-русский словарь» (Казань, 1876 и 1892), «Мохаммеданский пост в месяц Рамазан» (1877), «Китайские эмигранты в Семиреченской области» (Казань, 1879), «Историческое и современное значение христианских миссий среди мусульман» (1894), «Уложение Тимура» (Казань, 1894), «Пословицы и поговорки сартов» (1895), «К. П. фон Кауфман. Личные воспоминания и исторический очерк народного образования в крае» (Ташкент, 1899), «Коран и прогресс» (1901), «Народные сказки сартов» (2-е издание, 1906), «Сарты» (3-е издание, Ташкент, 1908), «Этимология сартовского языка» (Ташкент, 1910), «Мир ислама в прошлом и настоящем» (1912), «Шариат» (Ташкент, 1912), «Аравия — колыбель ислама» (1-е изд. 1910, 2-е изд. 2007, издательство ЛКИ «Академия фундаментальных исследований: история», «Коран; описание внешнего вида и история текста» (1912), «Исламоведение. Введение» (Ташкент, 1914), «Вероучение Корана» (Москва, 1915).

Печатается по: *Остроумов Н. П.* 1) Критический разбор мухаммеданского учения о пророках. Казань, 1874; 2) Заметка *Остроумов Н. П.* Заметка о значении мохаммеданства в истории христианства и в истории человечества вообще. Отдельный оттиск: Казань: Университетская типография, 1872. 28 стр. Перепечатано из «Православного Собеседника» (1872. Кн. 9).

